

ЕВГЕНИЙ ЖАРКОВ*

ЛАБОРАТОРИЯ ПОСТНОРМАЛЬНОЙ ЭПОХИ**

Получено: 20.08.2021. Рецензировано: 04.11.2021. Принято: 01.12.2021.

Аннотация: В настоящее время для науки, как типа деятельности и социокультурной институции, крайне актуален вопрос о границах ее собственной субъектности. С различными глобальными вызовами (энергетикой, климатом, пандемиями, безопасностью и др.) созвучны и вызовы для самого понятия науки, для ее норм и ценностей. В дискуссионной статье В. Н. Порус и В. А. Бажанов обсуждают аспекты политической субъектности *постнормальной науки* (Дж. Равецц, С. Фунтович) — типа науки, претендующего на выход за пределы нормальной науки (Т. Кун) как процесса «простого и определенного» решения задач в рамках сложившихся парадигм. В настоящей статье обсуждаются аспекты политической субъектности науки «на языке локаций», важнейшей из которых является лаборатория, понимаемая в широких социокультурных и социоэпистемических аспектах. С привлечением историко-научных («атомно-ядерная проблема») и современных ситуационных кейсов (COVID-19) рассмотрена проблематика связи «научного» и «политического» в локации расширенной лаборатории: в ней осуществляется ситуативность реализации политической субъектности науки. Подчеркивается, что наука к настоящему времени не обрела статус самостоятельного и полноценного политического субъекта и соответствующей институционализации. Политическая субъектность науки носит специфический и эпизодический характер. Нагруженная «сложностью и неопределенностью» современность рассматривается рядом авторов в настоящее время как «постнормальная эпоха». Отмечается, что в свете «постнормального» характера современности при стремлении к политической субъектности науке (на уровне множества участвующих акторов) не следует изменять своей «личностной онтологии» («ответственности за истину»), что трудноосуществимо без апелляции к добродетели мудрости.

Ключевые слова: политическая субъектность науки, постнормальная наука, постнормальная эпоха, демократизация науки, лаборатория, неопределенность, COVID-19, З. Сардар.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-65-77.

Проблематика статьи Владимира Натановича Поруса и Валентина Александровича Бажанова касается онтологии понятия науки и границ

* Жарков Евгений Александрович, исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), f1ash45@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1962-1806.

** © Жарков, Е. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

ее собственной субъектности. Более конкретно, в фокусе рассмотрения фигурируют следующие вопросы: обладает ли наука политической субъектностью и в чем именно она выражается? Какова степень «наполнения науки» политической субъектностью? Следует ли науке стремиться к политической субъектности и при каких условиях? (Порус и Бажанов, 2021)

Неудивительно и вместе с тем примечательно, что современная наука, обладающая междисциплинарным, коллективным, институциональным характером, как отлична от других типов человеческой деятельности, так и может содержать в себе черты-оттенки иных (отличных от некоторых идеалов и клише) практик. В сущности, это является выражением сдвигов, изменений в фундаментальных идеалах и нормах науки, в особенностях ее взаимодействия с культурой (Касавин, 2020: 50–51) и свидетельствует о размытости границ «науки и не-науки» (*boundary work*, Gieryn, 1999).

Для глубокого исследования проблематики политической субъектности науки необходимы «острые контексты», как теоретические, так и эмпирические. На наш взгляд, авторам дискуссионной статьи удалось успешно выстроить и осмыслить ряд подобных контекстов. Вместе с тем сами попытка и процесс осмысления представляются нам в некотором смысле даже более удачными, чем выводы, приводимые в конце статьи.

Острота контекстов достигается авторами за счет сопоставления двух основных привлекаемых сюжетов. Первый — классическая «нормальная наука» Т. Куна и детали соответствующих напряженных дискуссий («история науки vs философия науки»). Второй — неклассическая *постнормальная наука* Дж. Раветца и С. Фунтовича (Funtowicz & Ravetz, 1993). Данный сюжет, с одной стороны, далек от историко-научных проблем, обсуждаемых Куном, его последователями и критиками. С другой стороны, в самом названии концепции содержится смысловое ядро, связанное с понятиями нормы и нормальности. Ключевой аспект *постнормальной науки* состоит в ее направленности на актуальное настоящее и будущее, в котором человечеству неизбежно придется иметь дело с чрезвычайно сложными практическими проблемами, а их, в свою очередь, «новая наука» должна решать демократическим путем, при тесном взаимодействии с обществом. Появление понятия демократии в описании концепции науки открывает значительный простор для дискуссий о политической субъектности последней.

Во вступительном историко-научном экскурсе В. Н. Порус и В. А. Бажанов упоминают об идее несоизмеримости фундаментальных теорий,

принадлежащих различным парадигмам, как об одном из важных спорных пунктов концепции Т. Куна. В этой связи отметим, что при рассмотрении проблематики политической субъектности науки апелляция к понятию несоизмеримости не должна встретить особых возражений именно потому, что (даже при беглом взгляде) наука и политика несоизмеримы гораздо в большей степени, чем научные теории, пусть и лежащие в различных парадигмах. Вопрос об общем измерении «научного» и «политического» гораздо сложнее.

Свойство сложности и частая апелляция к нему в настоящее время буквально пронизывают дискурс повседневности. Сложность тех или иных (практических, жизненных) проблем может служить причиной разного рода неопределенностей, развилок в процессах их решения; и наоборот, неопределенность может служить одним из признаков наличия сложных проблем, являя собой, к примеру, вызовы современности (Герасимова, 2019: 16; Kaldewey, 2018: 164–166).

В концепции *постнормальной науки* неопределенность и сложность представляют собой обоюдно дополняющие сущности в указанном выше смысле. Сложность не содержится в явном виде в разработанной авторами двухпараметрической схеме (1-й параметр — уровень рисков принятия решений, 2-й параметр — уровень неопределенности рассматриваемой системы), а представляет собой характеристику объектов, «конструктивное познание» которых и составляет предмет нового типа науки. Как подчеркивалось выше, в идеале жизненный мир *постнормальной науки* должен включать в себя не только ученых, как представителей отдельных институций, а расширенное экспертное сообщество (*extended peer community*) (Funtowicz & Ravetz, 1993: 739). Проблематика экспертов и экспертизы весьма актуальна в современных исследованиях «науки, технологий и общества», где на повестке также фигурируют сложные вопросы: каковы пределы и возможности социальной и политической деятельности экспертов, должна ли экспертиза опираться лишь на научные знания (Масланов, 2021: 121–125; Шибаршина, 2018: 194–199)?

Обращаясь к вопросу о типах рациональности *постнормальной науки*, В. Н. Порус и В. А. Бажанов говорят о расширении локусов производства знаний в связи с трансдисциплинарностью и возникновением гибридных типов научных исследований (фундаментальное и прикладное, истина и польза) (Порус и Бажанов, 2021).

Авторы апеллируют к тому, что в результате

снятия эпистемологических и методологических барьеров между дисциплинами и видами практической деятельности образуется некая метаструктура, позволяющая выйти за границы научных дисциплин, синтезировать и сочетать различные когнитивные стратегии и дискурсы... (Шольц и др., 2015: 12–13),

и формулируют вопрос (Порус и Бажанов, 2021):

обладает ли эта структура собственной рациональностью или же ей пришлось бы сочетать несовместимые и противоречивые критерии рациональности в своей работе?

К сожалению, данный вопрос остается без ответа. Неясно также, что вообще может представлять собой метаструктура осуществления «синтеза и сочетания различных когнитивных стратегий и дискурсов». Таким образом, особенно интересен поиск возможной локации совмещения научного и политического, способной выступить в роли соответствующей метаструктуры.

РАСШИРЕННАЯ ЛАБОРАТОРИЯ КАК МЕТАСТРУКТУРА НАУЧНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО

В последней четверти 20-го столетия локации науки приобретают определенную актуальность в качестве объектов изучения. Классики соответствующих направлений (Б. Латур, К. Кнорр-Цетина, М. Малкей, Д. Блур, Г. Коллинз, М. Линч и др.) подчеркивали значимость локаций науки как пространств конструирования научного знания. И в этой связи понятие *лаборатории*, как характерной локации жизненного мира науки, воплотило в себе набор потенциальных смыслов, которые и предстояло раскрывать исследователям. Если в 1980-е г. понятие лаборатории ассоциировалось во многом со внутренними аспектами исследований науки, то в дальнейшем и в настоящее время социокультурная и онтологическая роль лаборатории обрела более широкое значение (Kohler, 2018: 764–766).

В основополагающей статье о *постнормальной науке* Равецц и Фунтович апеллируют к метафоре расширенной лаборатории, выражающей связь науки и ее действий (результатов) по преобразованию мира и общества. Авторы упоминают принадлежащий Б. Латуру и ставший классическим¹ пример лаборатории Луи Пастера, деятельность которого как ученого вышла далеко за пределы лишь чистой науки (Funtowicz

¹В сфере исследований «Наука, Технологии, Общество» (STS: Science & Technology Studies, Science & Technology & Society).

& Ravetz, 1993: 741–742). Заметим, выход «за пределы чистой науки» и является существенной особенностью *постнормальной науки*.

Важно обратить внимание и на возникновение традиции использования понятия лаборатории в дискурсе гуманитарных и общественно-политических наук. Соответствующие лаборатории и можно считать примерами расширенных лабораторий. Например, Дж. Бокман и Г. Эял анализируют экономическую ситуацию в Восточной Европе в период социализма как лабораторию приложения экономического знания (Bockman & Eyal, 2002: 310). В. Кон и Й. Вейер рассматривают общество в целом как лабораторию, а главная проблематика их статьи близка к обсуждаемой авторами концепции *постнормальной науки* (климат, экология, безопасность и риски) (Krohn & Weyer, 1994). Мы считаем, что именно расширенную лабораторию целесообразно рассматривать в качестве метаструктуры — локуса, в котором осуществляется «синтез и сочетание различных когнитивных стратегий и дискурсов» в аспекте политической субъектности науки и взаимосвязи научного и политического. Обратимся к обоснованию приведенного мнения с привлечением исторического и современного кейсов.

Сосредоточив внимание на важном для нашего контекста аспекте неопределенности, вспомним о том, что непредсказуемые в начале 20-го столетия практические последствия достижений ядерной физики в 1945 г. приобрели всемирную и печальную славу. Выражение «практические последствия» явно не охватывает весь спектр смыслов, поскольку последний этап цепочки «Чистая наука → ... → ... → Преобразование мира» имеет явную политическую окраску. За столетия *non-human* актор «ядерная реакция» проделывает путь от маленького кабинета А. Беккереля, холодного сарая супругов Кюри, Кавендишской лаборатории Э. Резерфорда и множества других микролокаций до масштабных военных «лабораторий-предприятий» (П. Галисон) манхэттенского проекта и многокилометровых испытательных полигонов. И в итоге, покинув лаборатории научные и технологические, ядерная реакция «под кожухами бомб» оказывается в расширенной лаборатории, «результаты экспериментов» в которой сильно отражаются на жизни человечества. Возникает вопрос: кому в расширенной лаборатории принадлежит роль ключевых акторов? Очевидно, что ядерное оружие не могло быть создано без научных открытий и, следовательно, ученых, но сами цели его создания и реального применения имели яркий политический характер. Со второй половины 20-го столетия «ядерная тема» приобретает колоссальную политическую роль.

Политика немыслима без объектов управления. С одной стороны, силы науки и сами ученые, как в случае ядерного оружия, становятся политическим инструментом и тем самым одним из подчиненных политике объектов. С другой стороны, представление о расширенной лаборатории означает попытку совмещения в одном локусе «политики и науки, науки и политики». И поэтому нелегко однозначно ответить на вопрос, какие акторы (ученые или политики) в расширенной лаборатории являются ключевыми.

Продолжим ход рассуждения в несколько более широком русле. Акцентируя внимание на совмещении «научного и политического, политического и научного», мы конструируем потенциальные ситуативности политической субъектности науки и научной субъектности политики. Подобные формулировки требуют разъяснения. На поверхностном уровне политическая субъектность науки и научная субъектность политики означают обретение наукой и политикой «противоположных» атрибутов, не свойственных их собственным классическим сущностям: поиску истины и самоценного знания (наука), искусству (практике) управления (политика). На глубоком уровне требуются детальные указания на состояния обретения наукой сущности политического или политикой сущности научного.

Примером реализации ситуативности научной субъектности политики может выступать существование политической науки как совокупности научных дисциплин, изучающих политику. И, важно подчеркнуть, современная политическая наука обладает весьма высоким уровнем институционализации. Ответить же на вопрос о том, в чем состоит и как конкретно реализуется политическая субъектность науки, сложнее. В этом смысле мы соглашаемся с В. Н. Порусом и В. А. Бажановым в том, что наука как институция не достигла статуса самостоятельного и полноценного политического субъекта. Это имеет серьезное значение в связи с тем, что для обретения подобного статуса и осуществления в соответствии с ним определенных действий науке все-таки недостаточно находиться в состоянии неустойчивой «метаструктуры».

Вспоминая поднятую выше «ядерную тему», согласимся и с тем, что отдельные ученые, небезразличные к этой теме с точки зрения мира и безопасности, являлись лишь отдельными актерами, оказавшимися в своего рода временном, эпизодическом состоянии политической субъектности науки. Однако Порус и Бажанов не решаются высказать свое мнение о том, способна ли наука в перспективе приобрести статус политической субъектности.

В качестве дополнения и завершения сюжета о расширенной лаборатории как возможной «метаструктуре научного и политического» рассмотрим и острую проблематику актуальной современности.

Пандемия COVID-19 наполнила медийное пространство броскими лозунгами с общим штампом вида «мир уже никогда не станет прежним». Но справедливо спросить, а когда, собственно, мир вообще был прежним? Дискурс неопределенности был известен и ранее: к примеру, «черные лебеди» Н. Талеба. Эпидемии и пандемии также не являются новыми для человечества испытаниями. Тем не менее новизна, конечно, присутствует и обусловлена во многом самим медийным пространством постистинного (Fuller, 2018; Parmet & Paul, 2020) и популистского (Collins et al., 2020) характера.

Представив мир в период пандемии как расширенную лабораторию, мы снова столкнемся с вопросом о ролях входящих в лабораторию акторов. В этой связи вспомним, что в исследованиях проблематики взаимодействия науки и общества часто фигурирует образ обычного человека, обывателя, гражданина, «человека с улицы». И данный образ особенно актуален в дискуссиях о проблемах демократизации науки. Действие COVID-19 носит в буквальном смысле всеохватывающий, всеакторный характер. В этом заключается своего рода ироническая демократичность вируса. Помимо собственного функционала как инициатора заболевания COVID-19 затронул множество социальных, экономических, политических, офлайн- и онлайн-аспектов жизни. И «обычный человек» получает вследствие демократичности вируса большой простор для выражения своих мыслей и мнений по многочисленным причинам и поводам.

Известный исследователь науки Г. Коллинз ввел представления о «третьей волне» направления STS, в которой центральное место отводится понятию *интеракции* (Collins & Evans, 2002: 244). Суть процесса интеракции состоит в выработке общего языка между социальным исследователем науки и учеными в процессе включенного взаимодействия. Специфическая демократичность и всеакторность COVID-19 создает среду взаимодействия, в которую, по сути, не требуется особого включения — подобно тому, как социальному исследователю необходимо преодолевать пороги научной лаборатории и выстраивать интеракционную коммуникацию. Обычный человек оказывается встроенным одновременно как в реальное, так и в медийное пространство пандемии. Он становится «в чем-то ученым» или «экспертом», поскольку начинает легко и часто оперировать такими понятиями, как иммунитет

(индивидуальный / коллективный), штамм, мутации и др. Он принимает участие в процедурах измерения температуры (если работает на пропускных пунктах организаций) и уполномочен, по-видимому, не пропустить в здание человека с неподходящей температурой («в чем-то политик»).

При этом же он может и не верить в коронавирус или рассматривать его через призму «теорий заговора», «мировых правительств», полагая, что он произведен в «тайных лабораториях»; считать вирус массовым заблуждением, психозом или же, наоборот, опаснейшей угрозой. Подобные дискурсивности смешиваются и регранслируются в реальном и медийном пространствах, подогреваются конкретными решениями властей (или их отсутствием), порождая, таким образом, интенсивную неопределенность. Обычный человек «легко» выстраивает своеобразную интеракцию со внешним миром, поскольку это, по-видимому, не требует значительных усилий. Вокруг много аналогичных «в чем-то ученых» и «в чем-то политиков». Нетрудно быть «на равных с равными».

Может показаться, что мы строго критикуем обычного человека. Данное впечатление легко рассеять, вспомнив о том, что обычный человек есть образ идеальный. Предположим для наглядности, что мы являемся учеными-профессионалами, экспертами в сфере бактериологии или вирусологии. И нам следует спрогнозировать, предсказать развитие пандемии, предоставив, таким образом, материал для выработки возможных политических решений. Это означает, что мы, как ученые, приобретаем роль «в чем-то политиков» уже гораздо больше, чем обычные люди. Но при этом, совершив серьезные ошибки, мы можем в итоге оказаться профанами в политике. И чем тогда мы отличаемся от обычных людей (П. Фейерабенд)?

ОТ ПОСТНОРМАЛЬНОЙ НАУКИ К ПОСТНОРМАЛЬНОЙ ЭПОХЕ

В связи с пандемией проблемы прогнозирования в условиях интенсивной неопределенности чрезвычайно обострились. Действительно, как подчеркивают Порус и Бажанов, концепция *постнормальной науки*, разработанная почти три десятилетия назад, оказалась в подобном положении весьма уместной.

Заметим, что с 1990-х годов концепция *постнормальной науки* Дж. Раветца и С. Фунтовича получила определенное развитие. Весьма примечательным здесь является расширение дискурса *постнормальности*: от подхода к описанию науки до описания современности в целом.

Британский мыслитель и публичный интеллеktуал пакистанского происхождения З. Сардар во втором десятилетии 21-го в. провозгласил громкий тезис о наступлении *постнормальной эпохи* (*post-normal times*) (Sardar, 2015a,b; 2021).

Сардар апеллирует к совокупности понятий «сложности, хаоса и противоречия» (3C: Complexity, Chaos, Contradictions) как к онтологической характеристике *постнормальной эпохи* и прослеживает данную линию на обширном, но фрагментарном и разнородном эмпирическом материале текущей современности: от «классических вопросов» истины, познания (знания), науки до глобальной экономики, Big Data, искусственного интеллекта, геополитики, терроризма, трансгуманизма, искусства, медиакультуры и др. Автор приводит краткую хронологическую схему различных «ситуационных артефактов» от классической эпохи до постнормальной (Classic → Modern → PostModern → PostNormal) (Sardar, 2015a: 346–349).

Например, если в эпоху постмодерна истина релятивна и плюралистична, а знание релятивно и социально конструируемо, то в постнормальную эпоху истина, помимо всего прочего, противоречива; для знания становятся важными «расширенные факты» (*extended facts*), сплетение с неопределенностью и незнанием (*ignorance*: Connor, 2019). Если в эпоху постмодерна наука считается «социально конструируемой», финансируется военно-промышленными корпорациями, а также важное значение придается классическим практикам *peer review*, то в постнормальную эпоху факты неопределенны, ценности дискутируемы, ставки высоки, в управлении наукой задействованы мегакорпорации и заинтересованные сверхбогатые персоналии, актуализируются представления о расширенном экспертном сообществе (Sardar, 2015a: 346–347). Естественно, подобные смелые обобщения способны вызвать множество вопросов.

Название концепции (*post-normal*) также напоминает нам о нормах, а следовательно и о ценностях. Анализируя ситуационно-эмпирический материал, свидетельствующий о постнормальном состоянии современности, З. Сардар приходит к выводу, что наука и общество нуждаются в «новой мудрости», как индивидуальной, так и коллективной (Sardar, 2020: 10). С одной стороны, подобный вывод созвучен с некоторыми выводами эпистемологии добродетелей (*virtue epistemology*: Касавин, 2020: 283–296), рассматривающей роль ценностей в процессах познания. С другой же — новой («хорошо забытой старой») мыслью является апелляция к мудрости как к остро необходимой добродетели для жизни

в условиях постнормальной эпохи, насыщенной сложными конгломератами знания и невежества, знания и не-знания.

Как подчеркивают В. Н. Порус и В. А. Бажанов, «постнормальное» состояние, при котором наука стремится к обретению политической субъектности как определенной норме, могло бы привести к радикальному изменению самосознания науки, ее социокультурного статуса. Это и означает сдвиг «самости» науки, ее «личностной онтологии». Однако Порус и Бажанов сколько-нибудь основательно не раскрывают детали такого возможного сдвига.

Вспомним старый классический сюжет в несколько новом свете. В государстве Платона правителями являлись философы-мудрецы. Если мы с высот современности определим философию [древних мудрецов] как науку, то в этом случае она обретет значительную политическую субъектность. Но философы в этом случае все равно остаются философами, т. е. не изменяют своей личностной онтологии.

Естественно, мы живем не в (недемократическом) идеальном государстве Платона. Наши жизнь, государства, институции «неидеальны», но это не отменяет постоянного стремления общества к миру, благу и безопасности. Подобное стремление не обходится без определенных и несколько идеальных планов, моделей развития. И наука здесь играет значительную роль. Науке следует научиться преодолевать «пороги» возможных иных субъектностей, не изменяя своей личностной онтологии («поиску истины»). И здесь следует согласиться с З. Сардаром в его апелляции к мудрости, поскольку без нее указанная цель труднодостижима. Мудрость является «надынституциональной» добродетелью. В этой связи трудно согласиться с мнением Владимира Натановича и Валентина Александровича, когда они, вспоминая А. Пуанкаре, характеризуют «апелляцию к моральным идеалам как безнадежно устаревшую». Все-таки не хочется терять подобную надежду.

В условиях возможного осуществления политической субъектности науки (в условиях стремления к демократии и гражданскому обществу) мудрость необходима и классическим ученым, и гражданским ученым, и по возможности всем актерам формирующихся расширенных экспертных сообществ. Все они в разной степени становятся вовлеченными в расширенную лабораторию, локацию с пересекающимися типами практик.

Но остается вопрос: как же обрести мудрость? Сопряжена ли *постнормальная наука* с достижением нового уровня мудрости?

ЛИТЕРАТУРА

- Герасимова И. А.* Неопределенность в познании и в социальных практиках // Эпистемология и философия науки. — 2019. — Т. 56, № 4. — С. 8–20.
- Касавин И. Т.* Наука — гуманистический проект. — М. : Весь мир, 2020.
- Масланов Е. В.* Социальная позиция эксперта как новый элемент науки // Эпистемология и философия науки. — 2021. — Т. 58, № 1. — С. 113–131.
- Порус В. Н., Бажанов В. А.* Постнормальная наука : между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 5, № 4.
- Шибаршина С. В.* «Полевая» философия и проблема взаимодействия между философами и различными социальными группами // Цифровой ученый : лаборатория философа. — 2018. — Т. 1, № 1. — С. 190–211.
- Шольц Р. В., Киященко Л. П., Бажанов В. А.* Введение. Дорожная карта трансдисциплинарности // Трансдисциплинарность в философии и науке : подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. А. Бажанова, Р. Шольца. — М. : Навигатор, 2015. — С. 11–27.
- Bockman J., Eyal G.* Eastern Europe as a Laboratory for Economic Knowledge // American Journal of Sociology. — 2002. — Vol. 108, no. 2. — P. 310–352.
- Collins H., Evans R.* The Third Wave of Science Studies // Social Studies of Science. — 2002. — Vol. 32, no. 2. — P. 235–296.
- Connor S.* The Madness of Knowledge : On Wisdom, Ignorance and Fantasies of Knowing. — London : Reaktion Books, 2019.
- Experts and the Will of the People. Society, Populism and Science / H. Collins, R. Evans, D. Durant, M. Weinel. — Cham : Palgrave Macmillan, 2020.
- Fuller S.* Post-Truth : Knowledge as a Power Game. — London : Anthem Press, 2018.
- Funtowicz S., Ravetz J. R.* Science for the Post-Normal Age // Futures. — 1993. — Vol. 25, no. 7. — P. 735–755.
- Gieryn T.* Cultural Boundaries of Science : Credibility on the Line. — Chicago : University of Chicago Press, 1999.
- Kaldewey D.* The Grand Challenges Discourse : Transforming Identity Work in Science and Science Policy // Minerva. — 2018. — Vol. 56. — P. 161–182.
- Kohler R. E.* Lab History Reflections // Isis. — 2018. — Vol. 99, no. 4. — P. 761–768.
- Krohn W., Weyer J.* Society as a Laboratory : The Social Risks of Experimental Research // Science and Public Policy. — 1994. — Vol. 21, no. 3. — P. 173–183.
- Parmet W., Paul J.* COVID-19 : The First Posttruth Pandemic // Social Studies of Science. — 2020. — Vol. 110, no. 7. — P. 945–946.
- Sardar Z.* Postnormal Artefacts // World Future Review. — 2015a. — Vol. 7, no. 4. — P. 342–350.
- Sardar Z.* The Three Tomorrows of Postnormal Times // Futures. — 2015b. — Vol. 75. — P. 1–13.
- Sardar Z.* The Smog of Ignorance : Knowledge and Wisdom in Postnormal Times // Futures. — 2020. — Vol. 120. — P. 102554.

Sardar Z. On the Nature of Time in Postnormal Times // *Journal of Futures Studies*. — 2021. — Vol. 25, no. 4. — P. 17–30.

Zharkov, Ye. A. 2021. "Laboratoriya postnormal'noy epokhi [Post-Normal Times Laboratory]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4), 65–77.

YEVGENIY ZHARKOV

RESEARCHER

RUSSIAN SOCIETY FOR THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-1962-1806

POST-NORMAL TIMES LABORATORY

Submitted: Aug. 20, 2021. **Reviewed:** Nov. 04, 2021. **Accepted:** Dec. 01, 2021.

Abstract: Nowadays, for science as a type of activity and a socio-cultural institution, the question of the boundaries of its own agency is extremely relevant. Various global challenges (energy, climate, pandemics, security, etc.) are in tune with the challenges for the very concept of science, for its norms and values. In a discussion article, V. N. Porus and V. A. Bazhanov discuss aspects of the political agency of post-normal science (J. Ravetz, S. Funtowicz) — a type of science that claims to go beyond normal science (T. Kuhn) as a process simple and definite solution of problems within the framework of the prevailing paradigms. This article discusses aspects of the political subjectivity of science in the language of locations, the most important of which is the laboratory, understood in broad socio-cultural and socio-epistemic aspects. With the involvement of historical and scientific (atomic-nuclear problem) and modern situational cases (COVID-19), the problems of the relationship between "scientific" and "political" in the location of the expanded laboratory are considered. In the extended laboratory, the situational realization of the political agency of science is carried out. It is emphasized that science has not yet acquired the status of an independent and full-fledged political agency, and the corresponding institutionalization. The political agency of science is specific and episodic. Loaded with complexity and uncertainty modernity is considered by a number of authors at the present time as a post-normal times. It is noted that in the light of the post-normal nature of modernity, while striving for political subjectivity, science (at the level of a multitude of participating actors) should not change its "personal ontology" (responsibility for truth), which is difficult to achieve without an appeal to the virtue of wisdom.

Keywords: Political Agency of Science, Post-Normal Science, Post-Normal Times, Democratization of Science, Laboratory, Uncertainty, COVID-19, Z. Sardar.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-65-77.

REFERENCES

- Bockman, J., and G. Eyal. 2002. "Eastern Europe as a Laboratory for Economic Knowledge [The Transnational Roots of Neoliberalism]." *American Journal of Sociology* 108 (2): 310–352.
- Collins, H., and R. Evans. 2002. "The Third Wave of Science Studies [Studies of Expertise and Experience]." *Social Studies of Science* 32 (2): 235–296.

- Collins, H., et al. 2020. *Experts and the Will of the People. Society, Populism and Science*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Connor, S. 2019. *The Madness of Knowledge: On Wisdom, Ignorance and Fantasies of Knowing*. London: Reaktion Books.
- Fuller, S. 2018. *Post-Truth: Knowledge as a Power Game*. London: Anthem Press.
- Funtowicz, S., and J.R. Ravetz. 1993. "Science for the Post-Normal Age." *Futures* 25 (7): 735–755.
- Gerasimova, I. A. 2019. "Neopredelennost' v poznanii i v sotsial'nykh praktikakh [Uncertainty in Cognition and Social Practices]" [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]* 56 (4): 8–20.
- Gieryn, T. 1999. *Cultural Boundaries of Science: Credibility on the Line*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kaldewey, D. 2018. "The Grand Challenges Discourse: Transforming Identity Work in Science and Science Policy." *Minerva* 56:161–182.
- Kasavin, I. T. 2020. *Nauka — gumanisticheskiiy proyekt [Science as a Humanistic Project]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Ves' mir.
- Kohler, R. E. 2018. "Lab History Reflections." *Isis* 99 (4): 761–768.
- Krohn, W., and J. Weyer. 1994. "Society as a Laboratory: The Social Risks of Experimental Research." *Science and Public Policy* 21 (3): 173–183.
- Maslanov, Ye. V. 2021. "Sotsial'naya pozitsiya eksperta kak novyy element nauki [Social Position of an Expert as a New Element of Science]" [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]* 58 (1): 113–131.
- Parmet, W., and J. Paul. 2020. "COVID-19: The First Posttruth Pandemic." *Social Studies of Science* 110 (7): 945–946.
- Porus, V. N., and V. A. Bazhanov. 2021. "Postnormal'naya nauka [Post-Normal Science]: mezhdu Stsilloy neopredelennosti i Kharibdoy politizatsii znaniya [Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4).
- Sardar, Z. 2015a. "Postnormal Artefacts." *World Future Review* 7 (4): 342–350.
- . 2015b. "The Three Tomorrows of Postnormal Times." *Futures* 75:1–13.
- . 2020. "The Smog of Ignorance: Knowledge and Wisdom in Postnormal Times." *Futures* 120:102554.
- . 2021. "On the Nature of Time in Postnormal Times." *Journal of Futures Studies* 25 (4): 17–30.
- Shibarshina, S. V. 2018. "'Polevaya' filosofiya i problema vzaimodeystviya mezhdu filosofami i razlichnymi sotsial'nymi gruppami ['Field' Philosophy and the Problem of Interactions between Philosophers and Varied Social Groups]" [in Russian]. *Tsifrovoy uchenyy [Digital Scientist]: laboratoriya filosofa [The Philosopher's Laboratory]* 1 (1): 190–211.
- Shol'ts, R. V., L. P. Kiyashchenko, and V. A. Bazhanov. 2015. "Vvedeniye. Dorozhnaya karta transdistsiplinarnosti [Introduction. Roadmap for Transdisciplinarity]" [in Russian]. In *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke [Transdisciplinarity in Philosophy and Science]: podkhody, problemy, perspektivy [Approaches, Problems, Prospects]*, ed. by V. A. Bazhanov and R. Shol'ts, 11–27. Moskva [Moscow]: Navigator.